

типа. Прежде всего, и тот и другой — преданы наукам. Константин, сам будучи не слишком большим знатоком философии и риторики, мало чем отличался от философов и раторов (II, p. 139) и был страстным любителем наук. Михаил же не только читал книги по всем наукам и познакомился со всеми видами «мудрости», но и сам пробовал свои силы в литературном творчестве (II, p. 174 sq.). Оба императора благочестивы и скромны. Благочестием Константин превосходил всех прочих императоров (II, p. 140). Еще до восшествия на престол он предпочитал замкнутую жизнь и презрительно относился к блестящим должностям (II, p. 135), стремился к божественному знанию (II, p. 150). Михаил краснел от всякого нескромного слова (II, p. 174) и даже внешне был похож на пожилого наставника или педагога (II, p. 175). Как отец, так и сын в избытке обладают традиционной царской *φιλανθρωπία*, они чрезвычайно милостивы и благорасположены к подданным (II, p. 140, 175), беспредельно любят своих родственников и близких (II, p. 147—148, 177). Их правление — образец умеренности и справедливости.

Этот портрет Константина и Михаила нельзя рассматривать только как проявление рядового византийского сервизизма. В характеристиках императоров обнаруживается тот идеал василевса, который вынашивал Пселл и, видимо, какая-то часть константинопольской интеллигенции того времени. Император излишне активный (особенно в области внешней политики) вызывает осторожное недоверие, а то и прямую враждебность писателя. Исаак Комнин — отношение Пселла к нему очень почтительное, хотя и с долей иронии²⁵ — испортил все свои благие начинания излишней поспешностью и нетерпением. Роман Диоген совершал походы на турок из-за «спеси», и его наглость с каждым разом увеличивалась. Напротив, император — покровитель наук, знающий чувство меры, скромный, добрый и милостивый к подданным (мы отвлекаемся от вопроса, насколько соответствовали эти характеристики реальным качествам прототипов), восхищает Пселла²⁶.

Можно утверждать и большее: Пселл не только восторгался этими — реальными или мнимыми — свойствами Константина и Михаила, но и старался, особенно во втором случае, активно участвовать в их формировании.

Несколько сочинений Пселла обращены к императорам Дукам или написаны от их имени. Бедные фактическими деталями, они представляют минимальную ценность в качестве исторического источника, но тон и общая направленность некоторых из них характерны для идейной позиции автора²⁷. Особенно относится это к сочинениям, обращенным к Михаилу. Наставник молодого Дуки, Пселл лепит его образ в соответствии со своими представлениями об идеальном императоре.

²⁵ См. нашу статью: «Исторический герой в «Хронографии» Михаила Пселла». — ВВ, 33, 1972, стр. 101 сл.

²⁶ Большинство этих черт сочувственно подчеркиваются Пселлом в портретах других «положительных» императоров. См. там же.

²⁷ Некоторые из этих сочинений адресованы в рукописи «императору Дуке». Встает вопрос, какому из двух Дук — Константину или Михаилу — были они направлены. Из числа этих спорных произведений к Константину, по нашему мнению, следует отнести: а) письмо *Scr. min.*, II, № 29. Основание: Пселл обращается к адресату со следующими словами: «Ты противостояшь арабам, воюешь с персидским воинством, обуздываешь дерзость варваров, затем обращаешься на Запад или, скорее, в одно и то же время переплываешь Евфрат и мужественно проплываешь Истр» (p. 42). Если отвлечься от риторических гипербол, речь идет, видимо, о ситуации 1064/65 г., когда империя подверглась почти одновременному натиску сельджуков и перешедших Дунай узов. Наступление последних было остановлено неожиданно разразившейся эпидемией; б) речь *Scr. min.*, I, p. 38—41. Основание: в речи говорится об избавлении от варварских полчищ на западе, погубленных «невидимыми небесными стрелами». Скорее всего, это намек на неожиданную гибель узов от эпидемии (см. выше). Интересно, что в речи в том же контексте, что и в «Хронографии», император сравнивается